

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ОЧЕРКИ

© 2025 Г. П. Дурасов
Москва, Россия

ГАЛИ ВЛАДИМИРОВНА АЛФЕРОВА: ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ – СПАСЕНИЕ РУССКИХ СВЯТЫНЬ

Аннотация. Научный очерк, написанный в преддверии 60-летнего юбилея Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, знаменитого ВООПИК, обращен к памяти об известном реставраторе и историке Г. В. Алферовой. Автор имел счастье долгие годы общаться с ней, отсюда появились расставленные в очерке акценты на отдельные этапы творческой биографии ученого. Уникальность Г. В. Алферовой, как замечено в очерке, состоит в ревностном служении делу спасения русской культуры в сложнейший для России – советский – период. Тогда многое определялось трудами подобных подвижников науки, которые видели историю намного глубже, чем обыкновенные люди. Г. В. Алферова спасала культурные артефакты, знала им цену и смогла сохранить их для потомков и истории.

Ключевые слова: историк архитектуры и реставратор Г. В. Алферова, советская эпоха, 1940-е – 1980-е годы, спасение уникальных памятников архитектуры, русские традиции градостроительства, реставрация, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

Ссылка при цитировании: Дурасов Г. П. Гали Владимировна Алферова: дело всей жизни – спасение русских святынь // Традиции и современность. 2025. № 40. С. 54–71

Дурасов Геннадий Петрович (Durasov Gennadij Petrovich) – историк, специалист по русской народной культуре, директор Народного музея схимонахини Макарии (Артемьевой) в с. Темкино Смоленской обл., эл. почта: ovm1965@list.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2025. № 40. С. 54–71

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>
УДК – 929; 091; ББК – 71.1; 74.24; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2025-40/54-71>

К 60-летию создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК)

Жизнь – в борьбе: Восток или Запад?

«Всякий раз, когда я берусь за какое-нибудь дело, я стараюсь со всей строгостью уяснить себе: за подлинное ли дело я берусь? Стоит ли оно того, чтобы на него тратить жизнь?». Приведенные слова, написанные во второй половине 1960-х годов, принадлежат Гали Владимировне Алферовой (1912–1984) – крупному советскому историку архитектуры и общественному деятелю. Писала она так потому, что этого драгоценного времени у нее всегда не хватало.

Как воин, сражалась Гали Владимировна с теми, кто разрушал исторически сложившийся облик наших древних городов. С теми, кто проектировал и строил дома, улицы и города, которые на самом деле не предназначены для счастливой и радостной жизни. Ведь в большинстве наших многонаселенных городов мы не видим ни восхода, ни заката солнца. А порой и на протяжении всего дня солнышко не заглядывает в наши жилища. Из своего окна мы видим лишь окна и стены соседних домов. Выходим на улицу и словно оказываемся в каменном мешке – впереди, справа и слева высятся одинаковые многоэтажные корпуса.

Условия градостроительства в России и в западноевропейских странах отличаются. Хотя бы тем, что у нас не было той скученности населения, которая не позволяла ставить городские дома один в отдалении от другого. Этой особенности в значительной степени было лишено строительство по

регулярной планировке, начавшееся в России в Петровское время. Санкт-Петербург становится эталоном для всех российских городов в XVIII–XIX вв. Такое городское строительство в России опиралось на эстетические принципы, заимствованные у средневековых городов Западной Европы. В последних из-за скученности было стремление на небольшой, да еще и ограниченной городскими стенами площади уместить как можно больше зданий с жилыми и производственными помещениями. Ряды домов стояли вдоль узких улиц. Куда ни бросишь взор, всюду сплошная стена из высоких строений, образующих дворы, словно каменные колодцы.

В российских городах все было по-иному. Система застройки предполагала тогда ориентировку в соответствии с естественным ландшафтом – низкими и высокими местами, косогорами, оврагами и изгибами рек. Прежде всего среди рядовых построек должны были выделяться здания-доминанты. Этих особенностей в большой степени было лишено строительство по регулярной планировке.

Получается, что у ландшафтной и регулярной планировок были свои принципиальные противоречия. Во второй половине XVI в. возникло более полусотни новых городов, в середине XVII в. их уже было более двухсот. Не могли же они возникать стихийно. У каждого города были свой замысел и исторически сложившийся образ, и очень важно было бережно сохранять исторический образ наших старинных городов при их реконструкции. Есть ли научное обоснование градостроительных принципов в России?

Всем этим мало разработанным, но таким важным вопросам теории российского градостроительства посвятила многие годы своей жизни Гали Владимировна. Кроме того, она воссоздавала былую красоту чудом сохранившихся гражданских построек – дворцов, древнерусских храмов, старинных монастырей. Она не только сумела доказать существование на Руси письменных правил планировки ландшафтных городов, но и разработала проекты сохранения и реставрации памятников зодчества, а также предложила обоснованную гипотезу, касающуюся русской градостроительной системы.

Начало творческого пути

Г. В. Алферова родилась 25 июля (по н. ст.) 1912 г. в Москве. Всю жизнь она посвятила сохранению московских и российских святынь, проявила себя стойким к жизненным невзгодам и травле со стороны недоброжелателей борцом за идею, оправдала свое имя, в сложных жизненных ситуациях была мужественной, сильной духом, возвышенной в деяниях.

О начале самостоятельной жизни Гали Владимировна вспоминала так: «Архитектурный институт и краткосрочные курсы инженеров-фортификаторов я окончила в первый год Великой Отечественной войны. Уже в первые годы своей деятельности выполняла работы по организации обороны старинных городов России и Украины. Моя жизнь пять лет была связана с армией. Навсегда запечатились страшные картины войны: бомбёжки Рязани, вырубленная фашистами для могильных крестов березовая роща Ясной Поляны, обгоревшие и изуродованные здания Смоленска. В вечерних сумерках они напоминали окаменевшие кости страшных чудовищ; в родном мне городе было пустынно и жутко... Война закончилась. Началась мирная жизнь».

Великие учителя и наставники

«Реставрации древних памятников культуры решила посвятить я свою жизнь, – так сурово начинала она свои воспоминания. – Профессор Николай Иванович Брунов (1898–1971, видный советский историк архитектуры, доктор искусствоведения, член-корреспондент Академии архитектуры СССР. – Г. Д.), у которого я училась в Архитектурном институте, пригласил меня на работу в Академию архитектуры. Он предложил мне заняться исследованием ряда уникальных сооружений. В первой же беседе со мной Николай Иванович сказал: “Есть в Москве, в Замоскворечье, одно замечательное здание XVII в. Оно плохо исследовано, и историки архитектуры, считая, что оно дошло до наших дней без перестроек, мало интересуются им. Правда, надо отметить справедливости ради, они высоко ценят его художественное совершенство. Я чувствую, что в этом сооружении таится какая-то большая историко-архитектурная загадка. Исследование сооружения может раскрыть новую интересную страницу в русском зодчестве. Хочется, чтобы вы занялись этим зданием. Я говорю о храме Воскресения в Кадашах!”».

Так Гали Владимировне были доверены исследование и реставрация уникального творения кадашевских мастеров. Ведь церковь Воскресения Христова в Кадашах считалась одной из «архитектурных жемчужин» столицы. Она была возведена неподалеку от Кремля, в Кадашевской слободе, где жили лучшие государевые ткачи.

До революции эта церковь служила главной вертикалью, композиционной доминантой, и являлась «соборным» храмом Замоскворечья. Она определяла главную градостроительную ось Москвы: от колокольни Ивана Великого к церкви Воскресения в Кадашах и далее к дворцовой церкви Вознесения в Коломенском.

Воскресенский храм имел главное значение в архитектурно-художественном облике Замоскворечья. И это давало ему особую привилегию. В светлое Христово Воскресение колоколам кадашевской церкви отводилась одна из основных ролей. Звон начинала колокольня Ивана Великого в Кремле. После отзывались звоном колокола Страстного и других крупных монастырей. Ну а следом за ними начинали петь колокола церкви Воскресения в Кадашах. И только потом уже вступали колокола остальных посадских храмов.

Шестиярусную, более чем 40-метровую колокольню Воскресенского храма в народе прозвали «большая московская свеча». С нее Кремль и Замоскворечье были видны как на ладони. Если же смотреть на Замоскворечье с Кремлевского холма, то среди крыш домов особо выделялись золотые купола храма Воскресения Христова в Кадашах и крест колокольни, уходящий в небо.

В ту пору Г. В. Алферовой по-настоящему везло. В работе ей помогали, наставляли, подсказывали видные архитекторы, реставраторы, историки. Потом она часто вспоминала их советы. Например, Дмитрия Петровича Сухова (1867–1958) – реставратора, архитектора и исследователя русской архи-

тектуры. Он был профессором, членом-корреспондентом Всесоюзной Академии архитектуры при ЦИК СССР, главным архитектором-реставратором памятников Московского Кремля и храма Василия Блаженного. Д. П. Сухов говорил: «Помни одно, между исследователем и памятником должен возникнуть контакт, тогда ты разгадаешь его тайны, между тобой и древним зодчим-строителем должен завязаться живой разговор. Научись ставить вопросы, а памятник будет отвечать. Учись слушать “голос” храма. Вопросы должны быть четки, а ухо – чутко».

Г. В. Алферова поняла, что означает выражение «памятник заговорил». В момент обостренного внимания и горячего желания разгадать тайну шедевра строительного искусства она чувствовала, что он как бы идет ей навстречу, раскрывая свои тайны. Так постепенно, шаг за шагом, выступал первоначальный облик этого выдающегося сооружения, построенного в стиле московского барокко, который характеризуется изяществом пропорций и ажурным силуэтом. Она увидела первоначальный облик церкви Воскресения в Кадашах. Увидела дивную красоту, созданную зодчим. Композиция памятника в Кадашах создана так, что «в нижних частях доминирует стена (значение ее постепенно ослабевает по мере движения объемов вверх), а в верхней части главенствует декор. Белокаменная резьба наличников, порталов и гребешков несимметрична, с ярко выраженной скульптурностью, привносящей богатую светотеневую игру. Так зодчий добивается впечатления, что памятник движется, живет, растет, “расцветает”». Г. В. Алферова отмечала: «Столь высокохудожественный архитектурный памятник в Кадашевской слободе возник не случайно, а явился воплощением художественной идеи, как художественный образ, вобравший в себя творческие искания, раздумья и противоречия гениального автора, сына своего времени. Нельзя не подивиться вкусу зодчего и заказчиков – ткачей Кадашевской слободы, которые поднялись в своих стремлениях на столь высокий уровень художественного чувства, эстетических взглядов и идеала красоты!».

Над изучением и восстановлением церкви Воскресения в Кадашах Г. В. Алферова трудилась с 1945 по 1965 г. В 1951 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Истоки московской архитектуры конца XVII века (на примере церкви Воскресения в Кадашах)».

В 1947 г. историк архитектуры Николай Иванович Брунов поручил ей исследовать Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. Этот храм – один из лучших в русской архитектуре дономгольского периода, самый древний из сохра-

нившихся храмов г. Пскова, был построен из плинфы (тонкого обожженного кирпича квадратной формы) и белого камня в XII в. по заказу архиепископа Новгородского Нифонта. Это крестово-купольный храм уникального для древнерусского искусства архитектурного типа, знаменитый своими фресками XII в.

В ходе обмеров собора архитектор выявила целый ряд строительных периодов. Выполненные Гали Владимировной работы отличались глубоким знанием исторической эпохи, в которую создавался памятник, тщательным изучением объекта, умением проследить ход изменений и перестроек, которым храм подвергся.

С 1952 г. она – сотрудник Музея Академии архитектуры СССР, а с 1960 г. – старший научный сотрудник академического НИИ теории и истории архитектуры.

Во второй половине 1950-х годов Г. В. Алферовой посчастливилось работать вместе с еще одним выдающимся архитектором – реставратором памятников древнерусского зодчества П. Д. Барановским (1892–1984). Совместно трудились они на реставрации палат XVI–XVII вв. боярина Ивана Борисовича Троекурова (1633–1703) в Охотном ряду.

Петр Дмитриевич произвел на Гали Владимировну неизгладимое впечатление. За десять лет – с 1918 по 1927 г. – он провел реставрацию десяти выдающихся памятников Ярославля, исследовал, обмерил, частично отреставрировал или выполнил проекты восстановления и обновления памятников древнерусского зодчества в Угличе и Ростове Великом.

В конце 1920-х годов, в разгар антицерковного движения, Барановский реставрировал на Красной площади Казанский собор, закрытый еще в 1918 г. «Спасение святынь, – говорил он, – только и оправдывает жизнь человека в сем мире». Барановский сравнивал реставрацию с лечением: «От времени и небрежения памятник разрушается – болеет. Наша задача его лечить. Но памятник – это не просто сооружение, он несет в себе некую духовную субстанцию, накапливая ее и веками излучая. Этим объясняется тот факт, что всегда вокруг памятников кипят страсти, происходят столкновения мнений, одни – нелюди – активно стремятся их уничтожить, другие – патриоты – яростно их защищают». Так, в свое время Петр Дмитриевич спас от уничтожения храм Василия Блаженного, что на Красной площади. «Без памяти нет сознания, – утверждал он. – Реставрация памятника – это лечение сознания». И требовал от каждого специалиста не просто грамотного, но нравственного отношения. По той же причине любую утрату фрагмента памятника или археологической находки он воспринимал как трагедию. «Мы

потеряли кусочек памяти», – говорил он с горечью. П. Д. Барановский всегда был в центре нещадной борьбы за выживание русской духовности, за что 1933–1936 гг. провел в сибирских лагерях.

Трехэтажный дворец боярина Ивана Борисовича Троекурова был одним из самых больших в Москве. Первые два этажа каменные, третий деревянный. Во время работ был восстановлен кирпичный декор фасадов и интерьеров палат. По поводу этой реставрации И. Э. Грабарь (1871–1960) писал: «Замечательнейшая по красоте архитектурная перспектива получится после завершения начатых работ по восстановлению древних домов XVII века Голицына и Троекурова... Москва получит редчайшие образцы гражданской архитектуры XVII века, дошедшие до нашего времени в столь малом количестве». Но «замечательной перспективы» не получилось, в 1928 г. начался снос церкви Параскевы Пятницы, одного из шедевров московской архитектуры, а в 1934 г., несмотря на борьбу П. Д. Барановского за сохранение архитектурного памятника, были снесены и Голицынские палаты. Троекуровские же палаты сегодня оказались во дворе огромного здания Госдумы.

И еще два удивительных памятника старины с 1954 по 1964 г. изучала и реставрировала Гали Владимировна в самом центре Москвы, неподалеку от Кремля. Это палаты думного дьяка Аверкия Кириллова и церковь святителя Николая XVI–XVII вв., что на Берсеневской набережной. Деревянный дом с каменным подклетом на месте палат Аверкия Кириллова существовал здесь уже в XV–XVI вв. Его следы были найдены археологами и реставраторами. Отсюда, от Никольской церкви, шел тайный подземный ход под Москвой-рекой в Кремль.

Дом оказался редким образцом частного жилого строительства второй половины XVII – начала XVIII в. Аверкий Кириллов был состоятельным купцом, владельцем многочисленных торговых лавок в Москве, обширных земель с крестьянами, а также соляных копей в Соли Камской. В 1677 г. царь произвел его в думные дьяки, и тот возглавил приказы Большой казны, Большого прихода и Большого дворца.

С 1928 по 1931 г. близ Никольской церкви и палат строили огромный жилой комплекс из восьми корпусов высотой от 9 до 11 этажей с 25 подъездами, выходящими на Берсеневскую набережную. В этом «доме на набережной» должны были жить представители советской партийной верхушки. Чтобы построить рядом с домом детский сад, разобрали колокольню Никольского храма. Планировали снести сам храм и палаты, чтобы построить на их месте прачечную и подсобные здания для «дома правительства». Но старинные постройки все же

решили не сносить, а приспособить к современной жизни. Устроили там общежитие, коммуналки, просуществовавшие до конца 1950-х – начала 1960-х годов. И лишь тогда началась реставрация. Ее доверили Г. В. Алферовой, которая с 1960 г. стала старшим научным сотрудником Института теории и истории архитектуры.

Сохранить святыни нашей Родины

Конец 1960-х годов стал началом широкого общественного движения за сохранение культурного наследия страны. Было создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, инициаторами чего выступили заместитель председателя Совета Министров РСФСР Вячеслав Коchemasov, ставший первым председателем ВООПИК, писатель Леонид Леонов, художники Илья Глазунов, Павел Корин и Николай Пластов, композитор Георгий Свиридов, директор Эрмитажа Борис Пиотровский, академики АН СССР Игорь Петрянов-Соколов и Борис Рыбаков, архитектор-реставратор Петр Барановский, писатель Ираклий Андроников и другие авторитетные и известные деятели культуры. В их числе была и Гали Владимировна Алферова.

В ведущем партийном журнале «Коммунист» была напечатана большая статья В. И. Коchemasova «Памятники культуры – важное средство воспитания» (1966, № 14). Охрана, реставрация и пропаганда памятников Отечества становились делом государственным и общенародным! А членами ВООПИК в советские годы стали по всей стране около 10 млн человек. Благодаря его деятельности были спасены тысячи храмов, усадеб, созданы новые музеи-заповедники.

При отделениях ВООПИК были созданы секции: архитектурная, историческая, пропаганды, памятников музыкальной культуры и хореографического искусства, памятников науки и техники, краеведения и др. В них работали В. А. Солоухин, М. В. Келдыш, Е. П. Велихов и другие известные лица. С 1966 по 1971 г. заместителем председателя ВООПИК был физик и общественный деятель, вице-президент АН СССР академик М. Д. Миллионщикова. Наряду с известными общественными деятелями Г. В. Алферова самым активным образом участвовала в создании Общества охраны памятников истории и культуры. С 1966 г. она – член бюро секции архитектуры, а с 1967 г. – председатель реставрационной комиссии.

В те годы работы по реконструкции городов во многих случаях велись без учета их структуры, сложившейся в течение веков. С болью в сердце Гали Владимировна писала, что «новая застройка грубо вторгается в исторические ансамбли, лишает памятники архитектуры обзора, уничтожает их доми-

нирующую роль в городе. Древняя градостроительная система безжалостно разрушается, зачастую безо всякого смысла, в силу непонимания властями и проектировщиками самого факта существования этой системы». На учредительном съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (9 июня 1966 г.) подчеркивалось, что градостроительные ошибки искажают историческое лицо города. Как отмечала Г. В. Алферова, причина этого – «неизученность русского города и некритическое наложение на него западных теорий».

Трудную задачу создания научного подхода к исторической застройке взяла на себя секция архитектуры Центрального совета общества, основанная в 1966 г., членом бюро которой Г. В. Алферова была со дня ее основания. Она сыграла ведущую роль в разработке принципов отношения к исторически сложившимся городам, как ученый-теоретик и практик-реставратор участвовала в 1969–1970 гг. в создании «Рекомендаций» комиссии Центрального совета общества.

Каргополь и Каргополье в творческой судьбе Г. В. Алферовой

С 1966 г. члены секции архитектуры ВООПИК выезжали в различные старинные русские города. Среди других древнерусских городов, которые посетила Алферова, был и Каргополь. Это один из центральных районов древнего Севера. Тогда она еще не могла и представить, что с Каргополем и Каргопольской землей будет связана тесными узами всю последующую жизнь.

Позже Гали Владимировна вспоминала: «Приехав несколько лет тому назад на Север, я была ослеплена красотой его природы и блеском его архитектурных творений, слившихся с безбрежными лесами, озерами, полями и косогорами в единый звучный ансамбль... Север сохранил и донес до нас былинный эпос, бытующий в народе по сегодняшний день, великолепные вышивки, уходящие рисунком своих орнаментов в скифскую языческую глубину; дивную деревянную и каменную архитектуру, яркие образцы русской письменности, сохранившейся за стенами монастырей... Благодаря исторически сложившейся изоляции здесь выработалось свое северное искусство. Это искусство яркое и жизнерадостнее, оказавшись вдали от новых веяний, продолжало жить древними высокими художественными традициями».

На всю жизнь запомнила Г. В. Алферова день встречи с могучим духом каргопольской истории. «Величавой и торжественной предстала передо мной торговая площадь. Ансамбль различных по времени и архитектуре зданий торговой площади выразителен и прекрасен благодаря удивительно-

му такту русских зодчих, умевших, строя новое, сохранять созданное ранее. Архитекторы XVII, XVIII, XIX веков чувствовали тот торжественный покой, степенную неторопливость и уют, которые так характерны для первой каменной постройки Каргополя – Христорождественского собора 1565 года. Они сохранили все это в новых сооружениях: в соборе Иоанна Предтечи XVIII века, повторяющего в камне деревянный храм XVI века; в скромных Введенской и Входоиерусалимовской церквях; парадной колокольне 1765 года и торговых рядах. Каждое здание Соборной площади имеет свое лицо, свой неповторимый образ, и в то же время оно является частью целого гармоничного и законченного, складывавшегося на протяжении трех столетий ансамбля».

Она сетовала, увидев недавние утраты: «Уже сломали Входоиерусалимовский храм и торговые ряды. На их месте пустырь и какие-то скверные временные постройки. Зачем их сломали? Трудно ответить на этот вопрос. Если церковь ломали по антирелигиозным мотивам, то трудно сказать, почему сломали торговые ряды. Как неуютно стоять теперь древним зданиям Каргополя на образовавшихся возле них огромных площадях! После такого большого «прореживания» нарушен основной принцип планировки, характерный не только для города, но и для всего Каргополья в целом».

Но не меньшие красоты ждали Гали Владимировну в деревнях и селах Каргополья: «Неповторимы и интерьеры каргопольских черных и белых изб. Низкие скамьи, низкие табуретки, низкие столы рудных изб очень по своей высоте напоминают современную модную меблировку... В Малой Шалге, Реке, Погосте, Лядинах... мне удалось увидеть древние интерьеры белых изб с расписными шкафами, перегораживающими огромную избу на отдельные комнаты, с пестрыми пологами над высокими деревянными кроватями, белеными печами с висящими над «челом» ярко вышитыми полотенцами, с домоткаными половиками на ослепительно белых полах». Она много ездила по каргопольским весям, любовалась и природой, и местной народной архитектурой и заключила для себя: «Искусство Каргополя и Каргополья... это подлинное бриллиантовое ожерелье». Г. В. Алферова решила сражаться за Каргополь с одним из ведущих проектных институтов страны в области градостроительства и территориального планирования – «Ленгипрором». Этот институт как раз и разрабатывал генеральные планы развития многих городов СССР, в том числе и Каргополя.

В 1765 г. в Каргополе случился сильный пожар. Пожары в городе случались и раньше: крупные в 1515, 1552, 1612, 1615, 1619, 1679, 1737 гг. В этот раз в

огне погибли две трети древних зданий и городские укрепления. Императрица Екатерина II издала указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов, по каждой губернии особо» и поручила его исполнение архитекторам, вошедшим в «Комиссию для устройства городов». Русские города, как полагали тогда, нуждаются в замене «случайной» градостроительной системы (так была названа ландшафтная застройка) «разумной» системой планировки. В жизнь вводился и новый эстетический эталон – «красота регулярства» постепенно вытесняла патриархальное благолепие. Одним из первых, после пожара, «регулярный план» застройки был сделан для Каргополя. Прямыми улицами город был разбит на прямоугольные участки. Но старая «ландшафтная планировка» в ряде мест все же прослеживалась.

Город Каргополь вытянулся вдоль р. Онеги. Все его памятники архитектуры лучше всего смотрятся из-за реки. С противоположного берега создается общее впечатление от городского архитектурного ансамбля. Четко читается силуэт старинных храмов и колокольни. Белокаменные храмы отражаются в реке, что добавляет восхищение от восприятия архитектурного ансамбля. Вздымаются, парят над городом купола. Они видны отовсюду. И это впечатление главенствующих, как бы парящих над городом куполов должно было быть основным. Именно поэтому вся городская застройка должна была остаться не выше двух этажей.

Г. В. Алферова сравнивала историческую застройку Кадашевской слободы в Москве и строения Каргополя. И там и здесь сохранялась только одно- и двухэтажная застройка. Взаимосвязь высотных ориентиров со средой особенно заметна была в исторической застройке Замоскворечья – купеческого района старой Москвы. Так и в других старых городах четко прослеживалось разграничение архитектурных сооружений на высотные, создававшие их силуэты, и «городскую ткань» – одно- и двухэтажные жилые и общественные здания. Всюду малоэтажные дома не мешали визуальному восприятию храмов.

То же и в старинном Каргополе, где нет жилых зданий выше двух этажей. Исследуя исторический центр города, Алферова сделала вывод, что при строительстве его старейших кварталов использовался градостроительный модуль в 10–15 м. Благодаря этому город был «прозрачным». «Прозоры» с хорошо продуманным расположением зелени открывали с далеких и близких расстояний живописные виды на высокие здания храмов и колоколен. Кстати сказать, древняя традиция не закрывать соседям вид на читимые общественные сооружения сохранилась в исторических городах вплоть до XX

в. Потому и застраивали улицы не сплошь рядами домов, а с прозорами. Их специально оставляли между домами и хозяйственными постройками, чтобы всюду, вблизи и вдали, видны были основные городские доминанты – белокаменные храмы и колокольни. «Так что новый градостроительный план развития Каргополя должен быть переработан!» – твердо решила для себя Гали Владимировна.

Как сохранить российские святыни?

Важным этапом в деле сохранения наследия исторических городов стал период с конца 1960-х годов, когда не только у научной общественности, но и в обществе в целом возросло внимание к памятникам истории и культуры, ставшее реакцией на шаблонность застройки советских городов. В это время пересмотру подвергся и перечень исторических городов, чему во многом способствовала архитектурная секция ВООПИК.

В 1966–1970 гг. члены архитектурной секции выезжали в старинные города России и пришли к выводу, что многие изготовленные в 1960-х годах генеральные планы городов устарели. По предложению Архитектурной секции Общества этот вопрос обсуждался 9 июня 1967 г. на заседании президиума Центрального совета ВООПИК. Было принято решение совместно с Госстроем РСФСР внести в строительные нормы и правила специальный раздел «О сохранении и реконструкции городов с исторически сложившимся архитектурно-художественным обликом», а также «О порядке разработки, согласования и утверждения проектов городов в качестве дополнения к Инструкции по составлению проектов планировки и застройки городов».

Пересмотру подвергся, как уже было сказано, и перечень исторических городов. В Постановлении Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам строительства и коллегии Министерства культуры РСФСР от 31.07.1970 № 36 «Об утверждении списка городов и других населенных мест РСФСР, имеющих архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры, а также сохранившиеся природные ландшафты и древний культурный слой земли, представляющие археологическую и историческую ценность» содержался перечень уже из 115 исторических поселений, включая 110 городов. И почетное место в этом списке занял древнерусский город Каргополь. Значимым и осмысленным шагом являлось то, что понятие «историческое поселение» означало архитектурно-градостроительное наследие, имеющее историческую значимость, а не просто памятники истории и культуры.

В постановлении III пленума Центрального совета ВООПИК (октябрь 1970 г.) отмечалось, что в работе по сохранению исторических городов, их центров и ансамблей имеется ряд проблем, требующих решения, что «отсутствует единая научно обоснованная методика разработки проектов планировки и застройки городов с ценным историческим наследием, а также методика проектирования охранных зон и зон регулирования застройки памятников истории и культуры. Разрабатываемые проектными организациями генеральные планы исторических городов по составу проектных материалов и по методике проектирования, как правило, не отличаются от генеральных планов вновь строящихся городов и не отвечают требованиям сохранения культурного наследия».

Сохранение городов, несущих в себе высокую культуру древности, стало в Советском Союзе делом государственной важности. Статья 68 Конституции СССР 1977 г. гласила: «Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей – долг и обязанность граждан СССР». В законе «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (1 марта 1977 г.) в целом ряде статей предусматривалось бережное отношение в старинных городах к их планировочной и пространственной структуре, а также художественным закономерностям. Особая ответственность за это ложилась на специалистов. Постановление Совета Министров РСФСР от 24 января 1980 г. № 54 «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры в свете закона СССР и закона РСФСР об охране и использовании памятников истории и культуры» настоятельно требовало разработок таких методов реконструкции городов и других населенных пунктов, при которых не погибал бы их художественный облик, сохранялась связь с природным ландшафтом. Однако недостаточная разработанность вопроса о методах возведения старинных городов и их художественных закономерностях тормозила внедрение в жизнь прогрессивных положений принятого законодательства. И Г. В. Алферова еще глубже погружается в разработку этих насущных и еще не решенных тогда вопросов градостроительных основ русских городов.

В ту пору, когда Гали Владимировна заканчивала книгу «Каргополь и Каргополье», я работал над книго-альбомом «Каргополье. Художественные сокровища». Мы с ней жили в одном доме и часто встречались у моего подъезда, мимо которого она проходила, возвращаясь домой. Чаще всего это случалось вечером, когда со своими двумя сумками шла она из архива домой. Старушки, сидевшие около дома на лавочках, провожали ее любопытными

и в то же время сочувственными взглядами и рассуждали, какие тяжести она носит в своих сумках. А были в ее сумках толстые общие тетради в коленкоровых обложках. На каждый древнерусский город она завела по тетради. И когда в архивных документах находила нужные сведения о каком-то из городов, доставала из сумки нужную тетрадь и переписывала в нее обнаруженные сведения.

У Гали Владимировны дома я бывал много раз. Приходил по делам к ней или к ее мужу Борису Александровичу. И каждый раз ловил себя на мысли, как ей не хватает пространства для нормальной работы. Ее комната была метров в двадцать. При входе, у противоположной от окна стены, стоял рояль, над ним висела большая картина кисти старого итальянского мастера «Снятие со креста». Жили они на втором этаже. И летом, по вечерам, когда она открывала окно, при свете люстры можно было рассмотреть тускло мерцающую золоченную раму и внутри нее изображение бездвижного тела Христа.

Сразу за дверью комнаты размещалась часть ее «архива», состоявшая из сложенных одна на другую в рост человека толстых голубых папок. Другая часть «архива» находилась под роялем и на нем. Справа от двери – старинный высокий шкафчик темного дерева. За ним, вдоль стены, стояла кровать в виде ладьи. В центре – всегда раздвижной стол и удобные старинные стулья вокруг него. А у противоположной стены – большой глухой темный буфет. Это была и ее гостиная, и рабочий кабинет, и спальня. На обеденном столе раскладывала она рукописи и кальки с чертежами городов, фотографии, книги и ватманские листы.

На столе разложены были аккуратно выполненные кальки с градостроительными планами старых городов. Среди них была и копия плана Каргополя, которую она показала мне тогда. Я спросил, не известна ли ей история его застройки до пожара 1765 г., после которого город отстроили по «регулярному плану». По-видимому, у Гали Владимировны было в тот день немного свободного времени, и она решила рассказать мне о своей будущей диссертации.

В ней предстояло раскрыть методы, на основании которых закладывались и строились русские города в XVI–XVII вв. «В допетровской Руси понятие «город» включало в себя представление не только о самой местности внутри городских стен, но и о незаселенной части, принадлежавшей этому городу, – начала она свой рассказ. – Местность вокруг укреплений была названа «осадою». С прилегающим и тоже укрепленным посадом, со слободами, выгонами, пашнями, лугами, полями, лесами, которые сразу прирезались к будущему городу при его закладке. В целом обе местности называли «город», – продолжала она.

Как для «старых», так и для вновь построенных в те годы городов, по ее словам, характерна была свободная планировка, которую стали называть ландшафтной. Связь города с землей – один из краеугольных вопросов истории русского феодального города. «Следовательно, и эту тему я разрабатываю, – заметила Гали Владимировна. – В том числе исследую и вопрос о межевании городских земель в процессе закладки новых городов».

Эта система, по ее словам, предполагает ориентировки по естественному ландшафту – низким и высоким местам, косогорам и оврагам, предполагает связь с естественными водоемами, выделение зданий-доминант. Говоря об этом, она показала фотографию плана старого города: «Этих особенностей было лишено строительство по регулярной планировке, начавшееся в России с возведением Санкт-Петербурга».

«Поэтому-то наши города имели изогнутые улицы, переулки и тупики, сложные по конфигурации площади. Город легко ложился на рельеф местности, плавно входил в природу. Его доминанты – башни крепости, храмы, колокольни – расставлялись свободно и виделись издалека. Мои наблюдения над обликом старинных городов и изучение архивных материалов привели меня к мысли, что они строились на основании особой градостроительной системы, еще не раскрытой и малоизученной».

Древние основы российского градостроительства

«Вы спросите, почему я выбрала для исследования города XVI–XVII вв.? – продолжала она свой рассказ. – Потому что сохранились подлинные документы того времени, касающиеся строительства городов. Так как в это время началось организованное хранение письменных материалов в государственных учреждениях. Да еще и сохранились сами города, построенные в тот период. Во многих из них до сих пор существуют не только отдельные здания и ансамбли XVI–XVII вв., но целые районы, несущие печать первоначальной застройки. В основном это малые и средние города центральной полосы России, Севера, нашего с вами Каргополя и Сибири.

Дома на улицах в таких городах строились с определенными промежутками. Посмотрите, сколько таких «прозоров» в Каргополе. (Она показывала одну за другой фотографии, и я сразу угадывал ту или иную каргопольскую улицу. – Г. Д.) Каждому дому выделялся земельный участок, на котором располагались хозяйствственные постройки, огорода. Специальные земельные участки закреплялись за церквями и монастырями. Городу придавались пахотные и выгонные земли, всякие угодья, озера. А сами города ставились у водных артерий, как Каргополь на берегу реки Онеги».

С чего начинался город? Для исследования этого вопроса Г. В. Алферова привлекает геометрические руководства, известные математикам, но не известные градостроителям. Они помогли ей раскрыть технику закладки городов, приемы и способы межевания городских земель, расчет дорог.

В древнерусских церковных книгах сохранились «Чины закладки города», то есть последование освящения места, где будет построен новый город. Но кроме этого священного чина, книги средневековой Руси сохранили и так называемый «Прохирон» – сборник норм византийского гражданского, уголовного, судебного и церковного права. Он был создан еще в 879 г. по приказу императора Василия I, а на Руси известен как «Закон градский». Он состоит из 64 глав, содержащих древние градостроительные нормы. Его 38-й титул (раздел) озаглавлен «О здании (строительстве. – Г. Д.) новых домов и о поновлении ветхих и о иных вещех».

Архитекторам и строителям христианских городов «Закон градский» предписывал брать за образец планировку Царьграда. То есть необходимо было соблюдать расстояние между домами не менее 12 стоп (3,7 м), что позволяло людям, живущим в городе, видеть море, сады и храмы из собственных дворов. Этому правилу следовали и русские зодчие, оставляя между строениями «прозоры». Да и размеры улиц и площадей в древнерусских городах, как и в византийских, определялись 12-стопным модулем.

Следуя «Закону градскому», прежде чем начать строить новый дом, необходимо было обозначить его размеры. Если длина будущего здания превышала 12 стоп, то к нему не разрешалось прирезать свободную землю, отведенную под улицы и площади. То же правило соблюдалось и в русской градостроительной практике.

Строго воспрещал «Закон» и «творить пакость соседу». Новая постройка не должна была загораживать солнечный свет. Устройство окон, выходящих в соседний двор, должно быть не ближе 10 стоп, то есть 3,1 м. Воспрещалось и устройство дымоходов рядом с соседними дворами. «Закон градский» уделял внимание и вопросам городской гигиены, а главное – сохранению возможности проветривания города благодаря соблюдению расстояния между дворами. Ну и устанавливал обязательную ответственность собственников за содержание своих зданий в чистоте и порядке, а также за проведение в них ремонта не менее одного раза в течение 5–10 лет.

Это византийское законодательство (Прохирон), входившее в состав «Кормчей книги» и сборника «Мерило праведное», по всей вероятности, было действующим источником права и в России

в XVI–XVII вв. Ведь «Кормчая книга», или просто «Кормчая», – это сборник церковных и светских законов, являвшихся руководством при управлении церковью. Она берет свое начало от византийского «Номоканона», одного из источников византийского права. К «Кормчей книге» обращались на Руси, когда соответствующие нормы в местном праве отсутствовали.

Целый ряд византийских законов, соответствовавших российской ландшафтной и строительной традиции, был впоследствии включен и в «Соборное уложение» 1649 г.

Все эти книги Г. В. Алферова должна была внимательно прочитать и изучить, в чем неоценимую помощь мог оказать ей супруг Борис Александрович. Она сконцентрировала свое исследование на теоретических вопросах основ русского градостроительства XVI–XVII вв. После сделанных ею выводов неоправданно считать, будто градостроительство в Древней Руси велось без системы. Русская система свободной планировки возникла и сложилась при наличии существовавших эстетических принципов, традиционных и юридических норм взаимоотношений между владельцами усадеб. И эта система в России имела практическое применение в течение многих столетий.

Подводя итог своему рассказу, Г. В. Алферова закончила его словами: «Теперь Вы сами видите, что нерегулярные, свободные по планировке города – одна из вершин мирового градостроительного искусства. Они подлежат сохранению и изучению, чтобы все лучшее, присущее древнерусской традиции, использовать в современном градостроительстве».

Реконструкцию свободных по планировке городов, в соответствии с требованиями регулярной системы, начали проводить с конца XVIII в. Этот процесс продолжается вплоть до наших дней, в результате чего древнерусская архитектура понесла невосполнимые потери. В ходе реконструкции снесены многие памятники архитектуры; уцелевшие древние здания часто попадали в «колодец» новой застройки. Массовое новое строительство не считалось с пространственной системой исторических городов и их художественными закономерностями. Кроме того, при реконструкции совершенно не учитывался природный ландшафт местности. Для удобства нового строительства в старых частях города производилась нивелировка городской территории: засыпались рвы, овраги, слаживались скальные выходы. Все это вызывало тревогу у широкой научной общественности.

Борис Александрович Васильев

Случайно встретившись с Борисом Александровичем Васильевым (1899–1976), мужем Гали Владимировны Алферовой, на улице или у них в

гостях, я мог долго проговорить с ним. Был он интересным собеседником на духовные темы. Его облик дышал благородством и одухотворенностью, а лицо светилось добротой. Седовласый, высокий, с величественной осанкой, в белом чесучовом костюме, с тростью в руке, он проходил по нашему двору, а встречавшиеся на его пути люди долго провожали Бориса Александровича взглядами.

В 1919 г. он поступил в Московский университет на биологическое отделение Физико-математического факультета. В университетские годы был постоянным прихожанином Никольского храма на улице Маросейка, активным членом общины и даже пел на клиросе. Университет окончил в 1925 г. После кончины старца Алексея Мечёва (1859–1923) Борис Васильев стал духовным сыном его сына – о. Сергия Мечёва. В 1929 г. был арестован вместе с другими членами мечёвской общины. Он проходил по делу группы «Духовные дети о. Сергия Мечёва». Был осужден и выслан на три года в город Шенкурск Архангельской обл.

К нему в ссылку приехала Т. И. Куприянова, с которой он дружил раньше, и они поженились. (После долгой и тяжелой болезни она скончается 11 февраля 1954 г., так что Гали Владимировна стала второй супругой Васильева.) В 1938 г. епископ Мануил (Лемешевский, 1884–1968) тайно рукоположил Бориса Александровича во священный сан и он стал тайным священником «катакомбной церкви». В миру он был ученым-этнографом, кандидатом исторических наук и очень любил свою профессию. В Институте этнографии АН СССР он дружил лишь с Наталией Ивановной Лебедевой. Их связывали вера и тесное творческое содружество.

Для полноты картины добавлю, что Б. А. Васильев был еще и исследователем творчества А. С. Пушкина. Он – автор глубокой по содержанию книги «Духовный путь Пушкина». Лишь после его смерти я узнал, что в Париже инкогнито был издан подготовленный им сборник воспоминаний о его духовном отце и старце о. Алексее Мечёве. Ведь именно ему доверили тогда перевезти на телеге из города Верея в Москву скончавшегося там московского старца Алексея. И еще он работал над историей Русской Православной Церкви в послереволюционный период. К тому же незадолго до смерти Борис Александрович закончил новый перевод «Псалтири».

Я подробно рассказал о Борисе Александровиче Васильеве не случайно. Долгие годы он, человек высочайшей культуры, был духовным наставником Гали Владимировны и, как я могу догадываться, помогал ей понять истинный смысл и тонкости перевода древних церковнославянских текстов, связанных с градостроительством. Кроме того, он был по-

стоянным спутником и помощником в ее экспедициях. «Ну как же Галина Владимировна обойдется без моей помощи, без мужских рук», – говорил он.

После смерти мужа Гали Владимировна «ушла в себя». После его ухода она прожила еще восемь лет. Внешне она сразу словно постарела. Ходила теперь всегда в темных одеждах и с небольшой черной кружевной вуалью на голове. И двор наш без Бориса Александровича словно осиротел.

Начало реставрации каргопольских монастырей

Г. В. Алферова именовала себя «археологом-архитектором». Сегодня ты либо археолог, либо архитектор. Себя же она относила к дореволюционным специалистам в области архитектуры, которая перекликалась с темой археологии. Но археология рассматривалась не как отдельная наука, а как возможность читать архитектуру. Каргополье оставило в душе Г. В. Алферовой неизгладимый след. «Каждый день, проведенный на Севере, оставляет у человека богатое чувство тишины, которое не может не родиться после лесных троп, – писала она в одной из своих статей. – В этой тишине около вечернего костра подойдет к тебе и останется рядом глубокое и таинственное чувство истории. История тоже будет молчать вместе с тобой, молчать о тех дальних временах, когда северное небо знало лесную вольницу, тревожные, грустные и веселые голоса колоколов... Знать историю помогает и часовенка, маленькое аккуратное строенъице, опустившееся сейчас на воду своим резным отражение, и расшитый золотом плат, и резные деревянные “убранства” изб, и многое другое».

А сколько удивительных людей встретила она здесь: «Приветливые лица, честное откровение рядом с музыкой тайги, с рассказами волн и памятью прошлого и есть самое главное и бесценное богатство не такой уж малой земли, разместившейся под северным небом».

С Каргопольем она сроднилась до конца дней своих. Гали Владимировна начала планомерное изучение всех доступных ей материалов о близнем к Каргополю Ошевенском монастыре, что в 44 верстах от города. И историю создания дальнего, Онежского Крестного монастыря, расположенного на Кий-острове, что в Онежской губе, близ Белого моря.

Ошевенский сельсовет, на территории которого располагается Александро-Ошевенский монастырь, прежде входил в Приозерный р-н. В 1963 г. в связи с введением деления на сельские и промышленные районы Приозерный р-н был упразднен и Ошевенский сельсовет вошел в Каргопольский р-н. Дорогу знали тогда до села Река, а что дальше, никто не мог ей подсказать. Гали Владимировна попроси-

ла помочь у директора Каргопольского музея Августы Николаевны Хромулиной, ведь они так быстро сошлись друг с другом и подружились. И Августа Николаевна чем могла, помогала ей. И в этот раз раздобыла подводу и вместе с Гали Владимировной отправилась в неблизкий путь. Об Ошевенской слободе она тоже ничего тогда не знала, да и дорога, как оказалось, была совсем никудышной.

Г. В. Алферова, повидавшая много российских красот, была очарована увиденным здесь: «Мир чудес и красот природы, мир легенд, мир горячей любви и глубокой убежденности – таков Ошевенск, – восторженно пишет она. – Не только сам монастырь с его уникальным собором и колокольней, сочетающими в одном здании каменную и деревянную архитектуру, но и принадлежавшие ему села оставляют незабываемый след в душе каждого побывавшего в этих крах. ... Узкой полосой по берегу красавицы Чурьеги тянутся деревни Ошевенска, расположенные напротив монастыря, – Погост, Низ, Ширяиха, а на другой стороне реки – Большой и Малый Холуй. Поражают дома – мощные двухэтажные крепыши, с жильем во втором этаже, хозяйственными постройками и кладовыми в первом. То тут, то там виднеются резные трубы рудных изб, топившихся по-черному. При топке дым идет только вверх, а внизу можно жить и работать, не ощущая его. Эти рудные избы Севера не имеют ничего общего с жалкими избами с топкой по-черному, бытовавшими когда-то в средней полосе России. Это дворцы с очень своеобразными интерьерами». Она восхищалась Ошевенском, который «сохранил и донес до нас былинный эпос, бытующий в народе по сегодняшний день, великолепные вышивки, уходящие рисунком своих орнаментов в скифскую языческую глубину». Она влюбилась в его дивную деревянную и каменную архитектуру, яркие образцы русской письменности, сохранившиеся за стенами монастыря.

Монастырь был основан в 1460-е годы преподобным Александром (1427–1479) в Ошевенске по совету его отца Никифора Ошевеня. Подвижник был пострижен в монашество самим преподобным Кириллом Белозерским. А Кирилла постригал сам игумен земли Русской преподобный Сергий Радонежский. Вот ведь откуда пошло славное прошлое Ошевенской обители.

Преподобный Александр из Кирилло-Белозерского монастыря пришел на реку Чурьюгу, близ нее устроил пустынь в диком лесу (его отец не хотел, чтобы сын-монах далеко ушел от него на Север) и построил первый монастырский Никольский храм, увенчав его высоким шатром. С 1488 по 1531 г., когда уже не стало преподобного Александра, игуменом стал сын местного священника Максим. При

нем была построена вторая церковь – в честь Успения Пресвятой Богородицы.

Северная Ошевенская обитель для Русского Севера стала тем же, что и Троице-Сергиева лавра для центральной России. Из ее стен вышло немало основателей северных монастырей: преподобный Пафомий Кенский, воспитавший Антония Сийского, преподобный Кирилл, основатель Сырынинской обители, Никодим Кожеозерский, Нионт Кожеозерский, неизвестные основатели Вознесенской, Макарьевской и Спасской пустынь и другие подвижники, основавшие давно уже не существующие обители. Из этой же обители вышли и такие подвижники благочестия, как преподобные Иона Каргопольский, Евфросин Курженский и Макарий Высокоезерский.

В XVI–XVIII вв. в деревянном Александро-Ошевенском монастыре случались пожары. После очередного, в котором сгорело сразу два храма, в 1707 г. началось строительство каменного двухэтажного Успенского собора. Это был большой двухэтажный храм с шестью приделами и высокой монументальной колокольней. В 1834 г. возведен был существующий ныне надвратный Никольский храм. Были построены каменные монашеский и игуменский корпуса, вокруг монастыря возведена невысокая каменная стена с четырьмя башнями по углам.

В 1928 г. обитель прекратила свое существование. Монастырский собор был разграблен и превращен в клуб, а в монашеском корпусе устроена сельская школа.

Ряд монастырских построек до 1970-х годов использовался под хозяйственные нужды. К середине XX в. монастырь превратился в развалины. Каменный Успенский храм – в руинах, от него остались только внешние стены. Остатки сводов в любой момент могли рухнуть. Собор нуждался в проведении неотложных противоаварийных работ. Сохранилась еще надвратная церковь Николая Чудотворца, возведенная в 1834 г. И еще от бывшей обители осталась часть каменной ограды и две из четырех угловых башни.

Вернувшись из Каргополя, Г. В. Алферова в Обществе охраны памятников поставила вопрос о консервации и реставрации Александро-Ошевенского монастыря. На следующий год в период летних каникул она отправилась в Ошевенск со студентами реставрационного отряда Московского химико-технологического института им. Д. И. Менделеева ставить леса на Успенский храм. Остановилась она на постое в бывшем поповском доме ткачихи Марии Александровны Окрепиловой близ села Погост. Здесь стоял дивный шатровый храм с колокольней. А напротив, через реку, на взгорке,

белел своими строениями среди полей и перелесков древний монастырь. Все – для ощущения тишины и покоя. Среди могутных крестьянских домов теряясь во времени: неужели это наяву?

Но Г. В. Алферовой пришлось погрузиться в гнетущую реальность. Деятельность одного из лучших московских архитекторов-реставраторов была недружелюбно воспринята в начальственных кабинетах Каргополя, да и Ошевенска тоже. «Лишняя забота и головная боль от всех этих ученых и архитекторов. У нас план по мясу и молоку надо выполнять, – сетовал председатель сельсовета. – Нам не до реставрации...».

Районные руководители время от времени проводили кампании по борьбе с религией. Свидетельницей и невольной участницей такого профилактического мероприятия стала и сама Г. В. Алферова. Тогда руководство района решило уничтожить на сельском погосте все намогильные кресты. Их спиливали под основание и бросали в речку Чурьегу.

«Раньше язычники гнали христиан, а теперь христиане уничтожают кресты на могилах своих родственников», – пыталась возразить им Алферова. Ходила в Каргопольский исполком, к первому секретарю райкома партии, в редакцию газеты «Коммунист». Никто ее не услышал.

Вскоре Гали Владимировне стало очевидно, что помочь в реставрационных работах ей ждать неоткуда. Только и успела поставить леса на Успенском монастырском храме.

О каком сохранении памятников древней каргопольской архитектуры и с кем могла она говорить тогда, если в огромном, с дивным по красоте резным белокаменным убранством Благовещенском храме, которым восторгались еще дореволюционные ученые, искусствоведы, художники, был тогда приемный пункт стеклоподарки. А самый древний, величавый Христорождественский собор XVI в. венчали ржавые купола...

Спасение наследия патриарха Никона

В ту пору Гали Владимировна Алферова собирала материалы по другому древнему монастырю Каргополя, который находился в устье реки Онеги и тоже требовал срочного участия реставраторов. Основателем его был сам патриарх Никон. Предание гласило, что его со спутниками застигла великая буря. Никон положил надежду на милость Божию и силу Животворящего Креста Христова и горячо молился Богу о спасении своем. Его молитва была услышана: судно выбросило на песчаную часть острова, что в устье Онеги. Выйдя на остров, Никон спросил: «Кий сей остров?». Остров оказался безымянным, и Никон сказал: пусть он называется «Кий». Возблагодарив Бога за спасение свое, в память избавления от неминуемой смерти водрузил

он деревянный крест и дал обет устроить на Кий-острове монастырь в честь Животворящего Креста Господня. Это было в 1639 г.

Кий-остров расположен в Онежской губе Белого моря. Его длина полтора километра, ширина не более 800 м. Весь он состоит из выступающих из моря гранитных скал, высота которых достигает 25 м над уровнем моря. Поверхность бугристая и представляет голый камень. И только в лощинах находятся более или менее толстые наслойения земли. Поэтому растительность острова весьма скучна: в лощинах растет сосна, стелется по земле мелкий можжевельник и бересковый кустарник. Ведь не случайно на коми-зырянском языке «кий» означает «камень».

О своем обете Никон вспомнил 13 лет спустя, когда вновь побывал на острове, будучи митрополитом Новгородским и другом царя Алексея Михайловича. Он испросил у царя грамоту на построение монастыря на Кие-острове. В 1656 г. вместе с грамотой царь «пожаловал на строение монастыря огромную сумму в 6000 рублей, приписал к монастырю многие окружные деревни, многие угодья и рыбные ловли на реках и морских берегах, пожаловал многие села с землепашеством, скотоводством и соляными варницами». Строительство этого монастыря становилось делом государственной важности.

Каменное строительство, начатое в 1657 г., было нелегким. Крестьяне онежских волостей были основной рабочей силой на всех этапах строительства обители. В 1657–1659 гг. трудились здесь «пришлые» каменщики и кирпичники из Каргополя, Кириллова, Белоозера и даже из Валдайского Иверского монастыря.

Прежде надо было перевозить на остров белый камень, кирпич, известняк. Каменоломни, где добывали белый камень для постройки Крестовоздвиженского собора, находились в среднем течении Онеги. Там же жгли известняк для приготовления связующего раствора. Кирпич изготавливали у устья Онеги, в Белом дворе. Здесь были выстроены печи для обжига кирпича. У печей работали кирпичники из Каргополя, Кириллова Белоозерского и Ферапонтова Белоозерского монастырей. Из Онежского устья на Кий-остров строительные материалы доставляли барками.

Соборный белокаменный пятикупольный храм во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (1657–1661) построен на возвышенной скале из огромных гранитных камней и булыжника. Кирпич употребляли лишь для связи камней.

Патриарх Никон не только сам выбирал место под строительство собора, но и был автором мно-

гих архитектурных решений. Вслед за первой каменной церковью были возведены церковь Происхождения честных древ Животворящего Креста Господня (1661) и теплая одноэтажная церковь во имя Рождества Богородицы с трапезной и келарской палатами, колокольней и усыпальницей (1689). Стены колокольни были сложены из кирпича и гранита, который помещен в нижнюю часть здания. А позже выстроили одноэтажные каменные настоятельские покой, связанные с церковью Происхождения честных древ (1693). Для монахов же выстроили деревянные братские корпуса.

Первая ограда была построена в 1658 г. плотниками монастырских вотчин. Обитель занимала сравнительно небольшой участок Кий-острова, и планировка его сооружений отличалась большой компактностью. Гранитные глыбы, использованные в качестве строительного материала, придавали церковным строениям вид крепостных сооружений и органично вписывались в скалистый рельеф острова. К концу XVII в. ансамбль монастырских строений был завершен. И в немалой степени пострадал над возведением этой северной обители каргопольский мастеровой люд.

В конце XVII в. в Кийостровском монастыре было 80 насельников и около 200 работников и трудников. Обитель для подвигающихся здесь тогда чернечев служила ковчегом спасения, а для сосланных сюда раскольников – тюремными застенками.

Во второй половине XVIII в. были построены покой настоятельские – деревянные одноэтажные (1788), кельи братские деревянные двухэтажные (1760), ограда вокруг монастыря деревянная, рубленая, с шестью башнями (1715), покой гостинные за монастырем, деревянные, двухэтажные, для размещения богомольцев (1795).

После секуляризации, то есть изъятия государством церковных земель в XVIII в., монастырь стал второклассным и начал приходить в упадок.

Во время Крымской войны, 9 июля 1854 г., на остров высадились английские войска и разорили часть монастырских строений. А уцелевшие после интервенций деревянные монастырские постройки почти все погибли в следующем году от пожара.

В 1884 г. в прежде процветавшем монастыре проживали всего четыре человека. В 1917 г. братия состояла из девяти человек.

1918–1920-е годы – время интервенции стран Антанты на Русский Север. На Кий-острове дислоцировалась английская военная база. Захватчики сделали укрепления, установили дальнобойные орудия. В монастырских помещениях устроили склад боеприпасов и продовольствия.

После ухода английских интервенций в 1921 г. монастырь был упразднен. Какое-то время на его

территории находилась детская колония. А в 1924 г. на земле, полной потом и кровью, было открыто первое курортное заведение на Севере – дом отдыха «Кийский», существующий и поныне. Монастырские здания приспособили под его нужды. В Крестовоздвиженском соборе устроили клуб для отдыхающих. Выдающийся иконостас, написанный каргопольскими мастерами XVII в., оказался лишним, и в 1928 г. его просто уничтожили. В алтаре сделали сцену для представлений и повесили киноэкран. А древнюю деревянную церковь Всех Святых просто приспособили под жилой корпус дома отдыха.

В 1931–1933 гг. на Кий-острове силами заключенных местного исправительно-трудового лагеря добывали гранитный камень для строительства Беломорско-Балтийского канала. Так что пострадали не только монастырские строения, но и ландшафт острова.

Русский Север, древняя каргопольская земля, всегда вызывали особые чувства у Гали Владимировны. В 1965 г. она впервые побывала в Архангельской обл. и после этого возвращалась сюда вновь и вновь. 1960-е годы – период массового увлечения Русским Севером, где сохранилась традиционная русская культура и ее главная составная часть – памятники зодчества. В 1968 г. Г. В. Алферова прибыла на Кий-остров для продолжения своих архитектурных экспедиций. На протяжении шести лет она работала над воссозданием Крестовоздвиженского собора. В своей реставрационной практике Гали Владимировна вела постоянную борьбу с распространенным методом реставрации, когда ради сокращения сроков работ уничтожались подлинные детали и части зданий и заменялись современными. Сохранение подлинности она считала первейшим условием восстановления памятника.

Эскизный проект реставрации первоначального облика Кийостровского монастыря был выполнен Г. В. Алферовой. И вновь ее неизменными помощниками в исследовании монастырских строений были члены одного из первых студенческих строительных отрядов Московского химико-технологического института им. Д. И. Менделеева. Стойкотрудники в 1968–1970 гг. под ее руководством расчищали здания от строительного мусора, ставили кружала и крепления на аварийных проемах и сводах, делали временные кровли над собором. К сожалению, на реставрацию этого памятника тогда не было предусмотрено ни регионального, ни федерального финансирования.

Гали Владимировна не любила говорить о трудностях, с которыми ей приходилось сталкиваться в экспедиционных поездках. Но однажды она проговорилась, что с питанием на Кий-острове трудновато. «Как же так? – думалось мне. – Рядом дом

отдыха, кухня, столовая». И я предложил ей достать тушеники и сгущенки: у нас база снабжения флота, колпитовский магазин, где отоваривались судовые столовые. Не помню почему, но от тушеники она отказалась, может, потому что она была дороже. А вот сгущенному молоку, на котором можно было сварить кашу, обрадовалась. Через день приношу сгущенку и думаю с содроганием: «С Борисом Александровичем они повезут эти банки за полторы тысячи километров». Ну как можно плодотворно работать уже немолодому известному специалисту, когда местное руководство не желает даже организовать элементарные условия для труда?

Может быть, именно поэтому весь процесс реставрации сопровождали непреодолимые даже для Г. В. Алферовой трудности. Ведь кроме проектирования на ней лежало еще и общее руководство работами. А реставрационные каменные и плотничные работы проводились под руководством прораба. Ей, привыкшей к строгому порядку, трудно было смириться с этой безответственностью: все было на очень низком организационном уровне.

«Прорабская работа в течение года, по подготовке объектов к работам на них реставрационных отрядов, не велась, – писала в отчете Гали Владимировна. Вместо этого за 7–10 дней до начала работ выезжали квартириеры, которые пытались провести в течение нескольких дней подготовительные работы, необходимые для последующей реставрации».

«В другой раз, – писала она, – прорабы, направленные из Онеги, были... горчайшими пьяницами. Всегда сложным в работе был вопрос с обеспечением объекта высококвалифицированными мастерами – каменщиками, белокаменщиками. Их приходилось привозить из Москвы. Это удавалось не всегда».

И еще крик отчаяния: «Мастерская (имеется в виду Архангельская реставрационная) своеевременно не обеспечивала материалами Кийский ансамбль. Например, лес-кругляк заготавливали путем ловли в море бревен, упливших с Онежских лесопилок. Цемент в основном добывали сами студенты на различных заводах Онеги». Реставрационная мастерская даже не обеспечила студенческий стройотряд малой механизацией. Подъем материалов в гору и доставка из пруда воды велась вручную.

По всему было видно, что руководству Архангельской обл. было тогда не до реставрации древних памятников зодчества. В 1973 г. под предлогом, что здание собора Кийостровского монастыря не имеет пользователя, работы были вообще прекращены. А в следующем, 1974 г. случился пожар: сгорела кровля собора и обгорел сам храм, к тому же пострадал деревянный крепеж келий и трапезной. И реставрационные работы были вообще прекращены.

Но несмотря на все это в тесной комнате Гали Владимировны долго еще стоял чертежный кульман с доской, на которой был закреплен лист ватмана с проектом реконструкции ансамбля Кийостровского монастыря.

Спасти архитектурное наследие старой Москвы

Как ученый-теоретик и реставратор, в 1969–1970 гг. Г. В. Алферова участвовала в составлении «Рекомендаций» комиссии Центрального совета ВООПИК. Появление этого документа было продиктовано необходимостью квалифицированного профессионального обоснования пересмотра проекта перепланировки центра Москвы, который предусматривал снос 80% исторической застройки в пределах Садового кольца и замену ее группой высотных зданий.

Тогда известный художник И. С. Глазунов выступил против Генерального плана реконструкции Москвы, угрожавшего практически полным разрушением исторической части города. Вместе с художником-единомышленником А. В. Артемьевым (1934–2020) он создал альбомы и стенды, посвященные «старой» Москве и отражающие утраты, понесенные в результате градостроительной деятельности коммунистического руководства. Вместе с известным композитором В. А. Овчинниковым (1936–2019), чья музыка звучит в выдающейся киноэпопее С. Ф. Бондарчука (1920–1994) «Война и мир», удалось собрать подписи деятелей науки и культуры под письмом в Политбюро ЦК КПСС.

К участию в этой группе по защите «старой» Москвы была приглашена и Г. В. Алферова. Вместе с многочисленными подготовленными материалами они были на приеме у одного из самых могущественных людей той эпохи, министра внутренних дел СССР Николая Анисимовича Щёлокова (1910–1984). В результате проектировщики Генплана вынуждены были выставить свой проект в Манеже на обозрение московской общественности. Состоялось его общенородное обсуждение, и проект был отклонен и отозван.

Добились главного: при ГлавАПУ (архитектурно планировочном управлении) Москвы был создан общественный совет, без решения которого разрушение исторической застройки не могло быть допущено. Г. В. Алферова вместе со своими сподвижниками сыграла важную роль в разработке, пропаганде и внедрении комплексного принципа сохранения исторически сложившихся городов России, в том числе и Каргополя, когда объектом охраны становились не отдельные здания или уличная сеть, но весь комплекс местности, планируемой под застройку. И в дальнейшем «Реко-

мендации» послужили методической основой для работы секции архитектуры ВООПИК по сохранению 115 исторических городов России. Так что Каргополь и его жители должны помнить, что и его неповторимый образ помогла сохранить Гали Владимировна Алферова.

Отходная пустынька патриарха Никона

Большую часть своей жизни Г. В. Алферова занималась реставрацией памятников архитектуры XVII в. И половину этого периода посвятила архитектурным памятникам, связанным с личностью патриарха Никона.

В 1656 г. Никон основал мужской Новоиерусалимский монастырь, который, по его замыслу, должен был стать центром православного мира. И первым сооружением, которое он построил в 1657 г. в Новом Иерусалиме, была Богоявленская пустынь – для его уединения во время постов.

Перестроенная в 1661–1662 гг. пустынь была превращена в «столп каменный». На первом этаже находились четыре жилых помещения и печь. На втором – прихожая и комнатки келейников. На третьем – Богоявленская церковь с трапезной, маленькая келья самого патриарха и его «приемная» палата. На кровлю вела узкая винтовая лестница, где были устроены: в восьмиграннике с куполом, увенчанным крестом, Петропавловский придел и маленькая келья с каменной скамьей и звонница. Внутри пустыни все выглядело аскетично и тесно и было предназначено для двух-трех человек.

Во время постов, восходя на свой «столп» по образу древних восточнохристианских подвижников, Никон совершил здесь богослужения, как простой иеромонах. Спал не более трех часов в сутки, время проводил в безмолвии и богомыслии. Летом он молился на кровле пустыни в Петропавловском приделе церкви и отдыхал в маленькой келье на каменной скамье, где поместиться можно было только сидя. Во всем, что его окружало в этом уединенном скиту, было воспоминание о «жизни будущего века», куда ведет «узкий путь» крестоношения, молитвы и поста. Располагалась пустынька в трехстах метрах к северо-западу от стен монастыря и именовалась «отходной пустынькой» патриарха Никона.

К личности патриарха Никона Г. В. Алферова всегда относилась с большим уважением. Много читала о нем, изучала архивные материалы, написала о нем статью «К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона».

Во время Великой Отечественной войны скит, в отличие от остального монастырского комплекса, не пострадал. В послевоенные годы в нем были размещены коммунальные квартиры, в это время был

утрачен изразцовый декор полов и разобраны облицованные керамикой печи.

К реставрации скита Г. В. Алферова приступила в середине 1970-х годов.

Судьба древнерусских городов

Последние годы жизни Гали Владимировна усиленно работала над докторской диссертацией на тему «Методы проектирования и строительства русских городов XVI–XVII веков». Она знала, как необходима была эта книга именно сейчас. Работы по реконструкции городов во многих случаях велись и ведутся без учета их структуры, сложившейся в течение веков. Город не сводился к плоскостной планировке и задумывался как объемно-пространственный комплекс с определенными соподчиненными доминантами, увязанный со всеми природными факторами: рельефом, водоемами, направлениями господствующих ветров и т. д.

Отсюда неповторимый и запоминающийся силуэт древнего города, который следует фиксировать и бережно сохранять. Ею были обследованы десятки городов, сохранивших хотя бы частично древнюю структуру.

Одна из ее учениц писала: «С болью Гали Владимировна видела, как новая застройка грубо вторгается в исторические ансамбли, лишает памятники архитектуры обзора, уничтожает их доминирующую роль в городе. Как древняя градостроительная система безжалостно разрушается, зачастую безо всякоого смысла, в силу непонимания властями и проектировщиками самого факта существования этой системы. Всеми возможными средствами Гали Владимировна пыталась противостоять разрушению градостроительного наследия, многократно выступая в печати».

К 1984 г. работа над диссертацией была закончена. Ее бурно обсуждали, а соискательница готовилась к защите. Но защита не состоялась. Помогавшая по хозяйству работница пришла как обычно утром и обнаружила Гали Владимировну бездыханной. Г. В. Алферова скоропостижно скончалась 27 апреля 1984 г., когда автореферат ее диссертации готовился к рассылке.

В 1989 г. ее диссертация под названием «Русские города XVI–XVII веков» будет издана посмертно. Книга увидела свет как научное издание в издательстве «Стройиздат». В мягком переплете, с невзрачной обложкой, на сероватой бумаге, трудно читаемая из-за мелкого шрифта, она была напечата-

на в Тульской типографии. На титульном листе значилось: Институт истории Академии наук СССР. Центральный научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры.

В предисловии к книге член-корреспондент АН СССР Я. Н. Щапов писал: «Эта тема нашла своего Автора в лице крупного советского историка архитектуры и общественного деятеля Г. В. Алферовой... Большая часть ее научной деятельности протекала в стенах Центрального научно-исследовательского института теории и истории архитектуры. Широкая образованность и большой опыт исследования исторических городов... в натуре и по архивным источникам XVI–XVIII вв. позволили ей не только разработать проекты сохранения и реставрации этих памятников русского градостроительства, но и предложить обоснованную гипотезу, касающуюся русской градостроительной системы того времени... Это исследование оказалось особенно актуальным сейчас, когда был поставлен вопрос о необходимости сохранения архитектурного облика древних городов, о роли, которую играют памятники истории в воспитании народа, была выражена поддержка общественного интереса к истории Отечества, богатству многовековой и многонациональной культуры».

Академик Б. А. Рыбаков отмечал, что планировка поселений и особенно городов в значительной степени отражает уровень развития данного общества. Выбор места, приспособление к рельефу и окружающему ландшафту, распределение важнейших элементов будущего города (укрепления, дороги, торговая площадь, жилые кварталы) уже в древности были предметом размышлений и обсуждений. Преодоление стихийности и внесение элемента рационального расчета служит показателем высокого уровня развития.

Применительно к истории русских городов долгое время считалось, что впервые рациональная планировка по заранее составленному плану была проведена лишь в конце XVIII в., во время так называемого генерального межевания. Многолетние исследования Г. В. Алферовой в области истории русской архитектуры и градостроительства установили, что градостроительные принципы возникли значительно раньше, что в XVI–XVII вв. в России уже применялись тщательно обдуманные и твердо проводимые в жизнь правила строительства новых городов. В этом заключается основная ценность данной книги.

Научная литература

Алферова Г. В. Истоки московской архитектуры конца XVII века: (На примере церкви Воскресения на Кадашах). Автoref. дис. ... канд. архитектуры. М., Московский архитектурный институт, Кафедра истории архитектуры и искусства, 1951.

Алферова Г. В. Истоки московской архитектуры конца XVII века: на примере церкви Воскресения на Када-

- шах: дис. ... кандидата архитектуры: 18.00.00. М., Московский архитектурный институт, Кафедра истории архитектуры и искусства, 1951.
- Алферова Г. В. Каргополь и Каргополье / Центральный научно-исследовательский институт теории архитектуры. М.: Стройиздат, 1973.
- Алферова Г. В. Памятник русского зодчества в Кадашах: История его реставрации: Книга для чтения: [Для детей]. М.: Просвещение, 1974.
- Алферова Г. В. Русские города XVI–XVII веков / ЦНИИ теории и истории архитектуры. М.: Стройиздат, 1989.
- Алферова Г. В., Анфилатов В. Е. (сост.). За нами Москва. Бородино. 1941: [воспоминания, письма] / Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ, Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник. М.: Кучково поле, 2007.
- Алферова Г. В., Харlamov V. A. Киев во второй половине XVII века: Историко-архитектурный очерк. Киев: Наукова думка, 1982.
- Материалы III Пленума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (19–20 октября 1970 г.). М.: Советская Россия, 1971.
- Петр Барановский: Труды, воспоминания современников / сост. Ю. А. Бычков и др. М.: Фонд П. Д. Барановского, 1996.

References

- Alferova, G. V. 1951. Istoki moskovskoi arkitektury kontsa XVII veka: (Na primere tserkvi Voskreseniya na Kadashakh) [The origins of Moscow architecture of the late 17th century: (Based on the example of the Church of the Resurrection in Kadashi)]. PhD diss. Abstract, Moscow, Moscow Architectural Institute, Department of the History of Architecture and Art.
- Alferova, G. V. 1951. Istoki moskovskoi arkitektury kontsa XVII veka: na primere tserkvi Voskreseniya na Kadashakh [The origins of Moscow architecture of the late 17th century: (Based on the example of the Church of the Resurrection in Kadashi)]: PhD diss., Moscow, Moscow Architectural Institute, Department of the History of Architecture and Art.
- Alferova, G. V. 1973. Kargopol' i Kargopol'e [Kargopol and Kargopolye]. Moscow: Stroiizdat.
- Alferova, G. V. 1974. Pamyatnik russkogo zodchestva v Kadashakh: Istoryya ego restavratsii [A monument of Russian architecture in Kadashi: The history of its restoration]. Moscow: Prosveshchenie.
- Alferova, G. V. 1989. Russkie goroda XVI–XVII vekov [Russian cities of the 16th–17th centuries]. Moscow: Stroiizdat.
- Alferova, G. V. and V. E. Anfilatov (ed.). 2007. Za nami Moskva. Borodino. 1941: vospominaniya, pis'ma [Moscow is behind us. Borodino. 1941: memoirs, letters]. Moscow: Kuchkovo pole.
- Alferova G. V., Kharlamov V. A. 1982. Kiev vo vtoroi polovine XVII veka: Istoriko-arkhitekturnyi ocherk [Kyiv in the second half of the 17th century: Historical and architectural essay]. Kiev: Naukova dumka.
- Materialy III Plenuma Tsentral'nogo soveta Vserossiiskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury (19–20 oktyabrya 1970 g.) [Proceedings of the III Plenum of the Central Council of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (October 19–20, 1970)]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1971.
- Bychkov, Yu. A. et al. (ed.). 1996. Petr Baranovskii: Trudy, vospominaniya sovremenников [Pyotr Baranovsky: Works, memoirs of contemporaries]. Moscow: Fond P. D. Baranovskogo.

GALI VLADIMIROVNA ALFEROVA:
THE WORK OF HER LIFE IS THE SAVING OF RUSSIAN SHRINES

Abstract. A scientific essay written on the eve of the 60th anniversary of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments, the famous VOOPIK, is addressed to the memory of the famous restorer and historian G. V. Alferova. The author had the good fortune to communicate with her for many years, hence the emphasis placed in the essay on individual stages of the scientist's creative biography. The uniqueness of G. V. Alferova, as noted in the essay, lies in her zealous service to the cause of saving Russian culture in the most difficult period for Russia - the Soviet period. At that time, much was determined by the works of such ascetics of science, who saw history much deeper than ordinary people. G. V. Alferova saved cultural artifacts, knew their value and was able to preserve them for posterity and history.

Keywords: architectural historian and restorer G. V. Alferova, Soviet era, 1940s–1980s, saving unique architectural monuments, Russian urban planning traditions, restoration, All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments.

Authors Info: Durasov, Gennadij P. – historian, specialist in Russian folk culture, director of the People's Museum of Schema Nun Macaria (Artemyeva) in the village of Temkino, Smolensk region (Moscow, Russian Federation). E-mail: gpd1945@yandex.ru

For citation: Durasov, G. P. 2025. Gali Vladimirovna Alferova: the work of her life is saving Russian shrines. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 40: 54–71

